

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Мусатова С.В.
(г. Донецк, ДНР)

С момента изобретения интернета прошло несколько десятилетий, и за это время мир значительно изменился: трансформация экономических, политических и культурных процессов происходила, в большой степени, в корреляционной связи с внедрением информационных технологий. В течение этого времени произошел переход от индустриальной формы общественной организации к информационной (сетевой).

Этот этап характерен далеко не для всех стран, он касается, в первую очередь, западно-атлантической цивилизации и некоторых примкнувших к ним стран Востока. Один из ведущих социологов современного мира, М. Кастельс, провел масштабное и системное исследование основных особенностей нового типа социальности, затрагивающее не только совокупные эмпирико-статистические параметры, но и включающее ряд констатирующих характерных определений. Дефиниции такого рода предстают как результат обобщающего концептуального анализа, как, своего рода, философская симптоматика современности.

Так, он утверждает, что «Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются. Тем временем, с другой стороны, глобальные сети инструментального обмена селективно подключают или отключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке стратегических решений. Отсюда следует фундаментальный раскол между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями» [1, с. 27].

Сразу отметим общую негативную направленность этого фрагмента, весьма далекую от прогрессистских упований и мечтаний о некоем «обществе всеобщего благоденствия». Действительно, здесь три суждения, и в каждом зафиксирован определенный семантический пласт сложившегося общественного сознания. При

этом все вместе они дают объемную картину новой социальности в ее характерных аспектах. В первой фразе говорится о произошедшем принципиальном сдвиге самоопределения общественного индивида от опоры на материально-практическую деятельность в сторону ее субъективно-игрового и необязательного характера. Деятельностный субъект, ответственно строящий свою жизнь, трансформировался в играющее существо с инфантильной проблематикой неясной самоидентификации. Нечего и говорить, что это – фактор безусловной деградации и общественной инфантильности, поскольку во главу угла ставится не продуктивная деятельность, имеющая общественно полезный характер, а конstellляция неустойчивых смысловых подобиий относительно вопросов сохранения социального статуса. Теперь ведущим моментом развития личности является процедура усиления индивидуального *эго*, собственного «Я», становящегося центром мироздания. Поскольку же это только имитация развития, то закономерно возникает сопутствующий смысл, выраженный во второй фразе.

Ее содержание говорит о предельной степени манипулятивности, захватывающей в своей тотальности всех субъектов, от индивидов до отдельных стран, определяющей доминирование принципа безличного господства, достигшего планетарного размаха. Кастельс не называет тот действительный центр силы, который отвечает за принятие «стратегических решений», скрывая его за обезличенными «глобальными сетями». Он приписывает им всемогущество и буквально фетишизирует их значимость. Отметим, что в этом неназывании выражается обычное стремление идеолога-апологета, всеми силами обеспечивающего легитимность существующих общественных отношений. И, наконец, третьей фразой Кастельс фиксирует, как он говорит, «фундаментальный раскол», но опять-таки в своей обезличивающей манере сводит его к отвлеченным теоретическим концептам. Создается впечатление, что речь идет не о действительных антагонизмах и расколах в обществе, а всего лишь о неких схоластических универсалиях. На самом же деле, если убрать этот теоретический камуфляж, раскол касается борьбы исторически сложившихся традиционных форм социальности с безличными властвующими субъектами новой реальности. Или, по-другому, борьбы остатков человечности и демонов технократического фатума.

Между технологиями производства и управления, обществом, экономикой, культурой и политикой существует сложное взаимодействие, ведущее к преобразованию мира. Далекое не всегда оно направлено к лучшему. Это напрямую зависит от сложившегося типа общественного человека, т.е., точнее, от системы, от государства, в котором живут конкретные люди. От этого зависит и направленность применения новых технологий. Пытается ли индивид всего лишь облегчить свой быт, или его интерес лежит в области увеличения производительности труда, а, возможно, он стремится заменить «живое» общение на интерактивное, уйти от реальности с помощью большого количества виртуальных игр, тем самым усиливая свою зависимость и отчужденность?

Люди отдаляются друг от друга. Кастельс отмечает это: «Иногда коммуникация рушится, - говорит он, - когда она более не существует даже в форме конфликтной коммуникации (как бывает в социальной борьбе или политическом противоборстве), социальные группы и индивиды отчуждаются друг от друга и видят в другом чужака, а затем и врага. В этом процессе, по мере того как идентичности становятся все более специфическими и их все труднее разделять, растет социальная фрагментация» [там же].

Новые социальные формы и процессы, считает Кастельс, возникают как следствия технологических изменений. Тем не менее, здесь он не слишком конкретен, фактически оставаясь в рамках простого бытописательства. Его социологическая мысль зачастую движется в простейших и потому абстрактных дихотомических измерениях: «Однако, хотя общество и не задает курс технологических изменений, оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить военную мощь и социальное благополучие. В самом деле, способность или неспособность общества управлять технологией, особенно стратегическими технологиями, в большой степени формирует судьбу обществ» [1, с. 30]. Здесь можно, разумеется, задать вопрос: если не общество определяет курс технологических изменений, то какая инстанция ответственна за эти решения? Но, учитывая точное выделение Кастельсом болевых точек современного информационного общества, мы должны по-

нимать недоговоренное, как и то, что есть такое содержание мыслей, имеющее истинностную направленность, которую, тем не менее, идеолог западного мира принципиально выразить не в состоянии.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Кастельс Мануэль: М. Кастельс: пер. с англ. под науч. Ред. О.П. Шкаратана: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.: табл.

ГЕОСТРАТЕГИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шевченко Р. И.
(г. Ялта, Россия)

В настоящее время существует большое количество исследовательских работ, посвящённых вопросам международных отношений. Достаточный объём этих исследований современная политическая наука анализирует в рамках учения школы политического реализма. Возникает справедливый вопрос: а что является средством реализации внешнеполитических задач государства, с точки зрения теории политического реализма? На этот вопрос отвечает российский исследователь С.В. Парастатов, который пишет о том, что реалисты в исследованиях силы государств как средства, с помощью которого реализуются внешнеполитические задачи, в небольшой степени придают значение геостратегическому контексту [1, с. 16]. Другими словами, с точки зрения парадигмы политического реализма, участники международных отношений будут стремиться к формированию независимой внешней политики, используя геостратегию как инструмент решения внешнеполитических задач. Известный американский политолог и государственный деятель З. Бжезинский определял геостратегию как «стратегическое управление геополитическими интересами» [2, с. 16]. Нужно отметить, что, несмотря на широту определения, такая трактовка геостратегии часто используется в качестве понятийно-категориального аппарата многих исследований. Существуют различные подходы к